

Михаил Щербаченко

ЖИЗНЬ КАК ИСКУССТВО ВСТРЕЧ

18+

Михаил Львович Щербаченко

Жизнь как искусство встреч

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72473830

SelfPub; 2025

Аннотация

Как и прошлая книга писателя и публициста Михаила Щербаченко – «Краткий курс научного карьеризма», веселый очерк нравов отечественного чиновничества, – новое сочинение состоит из коротких новелл, где автор в традиционном для него ироничном ключе отслеживает как фрагменты собственной биографии, так и сюжеты из жизни хорошо знакомых, полужнакомых и вообще не знакомых людей, тем или иным образом оказавших на него влияние.

По мнению автора, наши успехи и провалы, все наше существование и есть следствие наших встреч. И к каждой из них нужно относиться как к подарку. «За любой случайной встречей стоит какая-то идея, чей-то промысел, и совсем не обязательно божий, – а то у бога нет дел поважнее, как ежеминутно сталкивать и разводить свою наземную паству. Бессмысленно искать конструктора неисчислимых человеческих соприкосновений, куда важнее понять, с какой целью произошел контакт». В этом, убежден Михаил Щербаченко, и состоит искусство построения жизни.

Содержание

Все мы шлифуемся трением	5
Глава 1 При лице и без лица	9
Глава 2 Предметы второй необходимости	44
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Михаил Щербаченко
Жизнь как
искусство встреч

Все мы шлифуемся трением

Сразу скажу, что у автора было искушение выдать фразу, ставшую названием этой книжки, за свою. Никто бы меня не уличил, но как-то совестно врать, начиная уже с заглавия. Поэтому сообщаю, что оборот «жизнь как искусство встреч» принадлежит французскому дипломату, имя которого вам ничего не скажет, как не сказало и мне, я его вообще не запомнил. А вот саму формулу навсегда сохранил в памяти, сожалея, что кто-то другой так ловко сформулировал мысль, которая уже давно крутилась в моей голове. Я всегда был уверен, что за любой случайной встречей стоит какая-то идея, чей-то промысел, и совсем не обязательно божий, – а то у бога нет дел поважнее, как ежеминутно сталкивать и разводить свою наземную паству.

Искать конструктора неисчислимых человеческих соприкосновений бессмысленно, остается лишь задавать вопросы: «почему?», «для чего?», «с какой целью произошел контакт?», хотя точный ответ может быть дан не сразу, а лишь по прошествии времени; если же ответа не последует, значит, вы его просто не заметили или не расшифровали.

Фраза «жизнь как искусство встреч» означает, что искусством можно овладеть и с его помощью строить свою судьбу. Причем, речь идет не только об организации собственных успехов в привычном понимании слова. Искусство встреч не ограничено устройством контактов с нужными людьми, которые помогут подняться. Тут возможны варианты. Мож-

но познакомиться с будущим врагом, который сделает тебя сильнее, – тоже своего рода везение. А чем плох неудавшийся роман, подаривший бесценный жизненный опыт?

В этой книжке перед вами пройдет много разных людей, встреченных автором. Не ищите среди них известных персон, их тут не будет. Все персонажи – под подлинными или вымышленными именами – люди, как их называют, обычные, рядовые. Терпеть не могу эти определения, хотя их сильно любит власть: «Надо подумать об обычных людях, о рядовых гражданах». Вот я как раз о них и думаю.

Для меня все они не ординарные уже потому, что оказали на меня влияние, чаще всего об этом не догадываясь. Я пробирался между ними, как краб между камнями, кого-то обходя, кого-то задевая боками, об кого-то больно ударялся, возле кого-то отдыхал. И тому, кто гордо заявляет, что сделал себя сам, я не советовал бы заблуждаться. Каждый из нас шлифуется трением об окружающих. Собственно говоря, наши успехи и провалы, все наше существование и есть следствие наших встреч. И к каждой из них нужно относиться как к подарку. Если же какая-то встреча показалась вам бессмысленной, отнесите ее к разряду упущенных возможностей. Вами, вами упущенных.

Глава 1 При лице и без лица

По радио Высоцкий пел «Песенку о переселении душ». Прозвучала последняя строчка – «Не лучше ли при жизни быть приличным человеком?», – и что-то зацепило. Слово «приличный» – давно его не слышал. Как-то оно исчезло из общественного лексикона. Жалко, хорошее ведь слово.

Приличный – это не то, что порядочный, достойный, почтенный, пристойный, рукопожатный. Близко, конечно, но все же другой оттенок смысла. Три автора знаменитых толковых словарей русского языка – В. Даль, Д. Ушаков и С. Ожегов – сходятся в том, что «приличный» означает соответствующий приличиям. Мне при этом ясно слышится словосочетание «при лице» – то есть сохраняющий лицо.

В этом деле нет строгих протоколов; что одному неэтично, другому в самый раз. Но вдумчивые люди всегда понимали, что именно мелочи, детали, тонкости, полутона взаимоотношений служат первопричиной значительных и даже судьбообразующих явлений и событий. И потому придавали вопросу приличий первостепенное значение и внушали другим важность хороших манер.

По мне, изысканнее иных просветителей на сей счет высказался Антон Павлович Чехов в письме к брату Николаю. По его мнению, воспитанные люди должны удовлетворять следующим условиям.

«Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы».

«Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги».

«Они чистосердечны и боятся лжи, как огня... Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего... Из уважения к чужим ушам они чаще молчат».

«Они не уничижают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтоб в ответ им вздыхали и нянчились с ними».

«Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомства с знаменитостями... не хвастаются тем, что их пустили туда, куда других не пустили».

«Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки».

И самое главное: «Чтобы воспитаться... нужны беспрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час».

Припомните, сколько ваших знакомых отвечают чеховским критериям. Среди моих – в лучшем случае единицы. Причем меня самого, к прискорбию, среди них нет.

Офицерский должок

К тому времени, как Алексей Пантелеев окончательно осел на Кипре, обзаведясь достаточным количеством клиен-

тов и сдав в аренду свою квартиру в Нижнем Новгороде, Стивен Баркли обдумывал жизненные планы, и они его совершенно не радовали. Через полтора года лейтенанта британской армии ожидала отставка по возрасту, и он давно решил, что, покинув расквартированную на Кипре английскую военную базу, купит в кредит домик у моря, не менять же немолдому одинокому экс-офицеру райский климат на промозглую сырость родного Ньюкасла. Но два года назад остров накрыл финансовый коллапс, банки прекратили выдачу кредитов, а скопленных Стивеном денег не хватало даже на маленькую квартиру.

У Алексея с деньгами тоже было не очень, они с женой жили в съемной квартире, и аккуратно под ними проживал лейтенант Баркли. Русский, зарабатывающий на жизнь установкой-наладкой телевизионного и компьютерного оборудования, починил англичанину старый телек, денег по-соседски не взял, зато был зван на ужин в соседнюю таверну, откуда они вышли уже приятелями. Пантелеев, сам в прошлом старлей, поведал Стивену о службе в Забайкальском военном округе, а тот в ответ рассказал, что с вершины горного массива Троодос британцы контролируют важнейшие стратегические объекты Средиземноморья. Это была военная тайна, о которой, впрочем, знали даже кошки, которыми кишит остров Афродиты.

Так в дружбе и согласии прошли полтора года, Баркли ушел в отставку и, начав сборы в свой Альбион, занял у сосе-

да двести евро, которые обещал вернуть на прощальной вечеринке. Чего не произошло, поскольку должник испарился в согласии с доброй английской традицией – не прощаясь.

Двести евро – не капитал, но было неприятно. Еще месяц Алексей наивно ждал из Англии денежного перевода, потом осерчал и отправился в логово британской разведки, где и накатал донесение о невозврате долга. На него посмотрели как на клеветника, но бумагу приняли и обещали разобраться.

А через три месяца к Пантелеевым домой явился при полном параде подполковник британской армии. Он сказал, что служебное расследование завершено, Стивена Баркли опросили в Ньюкасле, свои долговые обязательства он не признал, документально же подтвердить свою претензию заявитель не может. Однако, командование базы не желает, чтобы мистер Пантелеев составил негативное мнение о вооруженных силах Ее Величества, и возвращает ему двести евро наличными.

Это был сильный ход. Но за проявлением безупречной офицерской чести Алексей уловил другую тему: забирай бабки, склочник, и не вздумай об этом трепаться. Стерпеть такое было невозможно. Даже за двести евро.

Вытянувшись во фрунт и четко подбирая слова, Алексей заявил, что он, офицер российской армии, не имеет личных претензий к армии Ее Величества, обращение же продиктовано желанием не вернуть какие-то жалкие двести евро (по-

следняя фраза далась с усилием), а предупредить о недостойном поведении мистера Баркли, наносящем моральный урон британским вооруженным силам. Что касается денег, то он отказывается их принять.

Супруги Пантелеевы клянутся, что слышали, как загудели мозги изумленного подполковника. Затем он щелкнул кабелями и лихо отдал честь. Алексей откозырял в ответ, хоть и был с непокрытой головой. В дверях гость остановился: «Эту свинью Баркли мы накажем. У британской разведки длинные руки».

Пантелеевы понимающе заулыбались: насчет длины рук у них не было сомнений.

Рубль ты мой пропащий

До чего же все-таки хитро устроена наша память. Вот застрянет занозой какой-нибудь пустяк, о котором не то что забыть пора, – о нем и помнить-то не следует. И вдруг через много лет этот мелкий эпизод наполняется новым смыслом, и тогда становится ясно, почему он не забывался.

Однажды я занял сослуживцу рубль до зарплаты. Всего один рубль, хотя тогда, в середине семидесятых, это были какие-никакие деньги. Прошло уже несколько зарплат, но рубль ко мне не возвращался. Я не напоминал, стеснялся, боялся, что это неприлично, при этом злился, поскольку невозвращенный долг считал небрежным отношением к за-

имодавцу, то есть ко мне.

Но выяснилось иное. Не вернув вовремя треклятый рубль, сослуживец решил, что отдавать его с большим опозданием неловко, теряешь лицо. А он, равно как и я, этого не хотел. Вот и тянул время, надеясь, что я забуду о долге, и тоже нервничал. В конце концов, не выдержал, сознался, и покаянно возвращенный рубль мы немедленно отоварили в винном отделе ближайшего гастронома.

Этой истории, повторяю, лет сорок, а вот сюжет годичной давности. Добрый знакомый, человек небедный, занял у меня гораздо более крупные деньги. И четко обозначил срок возврата – через месяц.

Прошло четыре месяца – ку-ку. Надеяться, что я забыл, было бы наивно, – не та сумма. Ну, сказал бы: извини, старик, кое-что не срослось, потерпишь еще недельку? Да с дорогой душой! Но нет, молчит, и я, понятное дело, начинаю подозревать, что он меня в грош не ставит. В итоге излил свою грусть нашему общему приятелю, а тот предложил: «Позвони ему, скажи, что я перекупаю долг, верну тебе всю сумму, а его поставлю на проценты». Сделал я это с восторгом и уже на другой день получил деньги от должника. Правда, мелкими и мятыми купюрами, без извинений за задержку и к тому же, вообразите себе, с обидой! Он посчитал, что я веду себя неприлично.

Что ни говорите, денежные сюжеты могут многое порассказать о приличиях. Но не они одни. Не попадали ли

вы в такие примерно обстоятельства? Знакомый напоминает вам, что через месяц у него день рождения и, разумеется, он ждет вас в гости; вы заранее покупаете подарок и сочиняете тост; но наступает срок – и никто вас никуда не зовет. Либо приятель просит вас разузнать нужные ему сведения, вы выполняете просьбу, а он говорит, что вопрос уже отпал, «так что не парься».

Само собой, такие истории существовали до нас, при нас и будут после. Вот только сдается мне, что небрежное обращение с другими стало совсем легким делом. Безнаказанным и взаимным. Будто и обидчики, и обиженные сговорились «не париться». Как вы поступаете со мной, так и я поступаю с вами, ничего личного, все квиты.

Тогда понятно, почему в словаре актуальной лексики начала 21-го века отдельные толкования есть у слов «прикол», «приколоть», «приколоться», «прикалываться», «прикольно», «приколист», а предполагаемые далее по алфавиту слова «приличие» и «приличный» попросту отсутствуют.

А говорят, то, чему нет названия, со временем вообще перестает существовать.

Сделайте милость, заплатите штраф

Помните, группа «Секрет» пела: «Мой приятель – беспечный ездок»? У меня есть точно такой приятель. Он ведет серьезный бизнес и постоянно колесит по Европе, причем ко-

лесит за рулем взятых напрокат мощных автомобилей. В молодые годы был стритрейсером и гонял по ночному городу, сейчас остепенился, но все равно любит иногда «газ до отказа, а там поглядим».

Вот и минувшим летом он накрутил солидный километраж, и осенью в его офис в Лозанне пришло письмо из дорожной полиции.

Оно было составлено в таком примерно стиле. Многоуважаемый господин Парамонов, просим извинить за беспокойство, но мы рассчитываем, что вы окажете любезность и предоставите нам важную информацию. Из видеозаписи камеры наружного наблюдения следует, что такого-то числа в такое-то время в таком-то городе двигался автомобиль марки «Бентли Континенталь GT». Максимально допустимая скорость движения в населенных пунктах – 50 километров в час, однако указанная машина ехала со скоростью 170 километров в час, что является нарушением закона.

По номерам автомобиля было определено, что он принадлежит прокатной компании, которая, в свою очередь, сообщила нам, что предоставила его на правах аренды гражданину Российской Федерации Парамонову. Будем чрезвычайно признательны, если вы сообщите, кто находился за рулем данного автомобиля. С сердечным приветом, офицер дорожной полиции.

Мой приятель ценит деликатное обхождение, и он решил тут же ответить. Но как отмазаться от наказания – написать,

что дал попользоваться машиной Клинтону из Вашингтона или Рабиновичу из Хайфы? Швейцарский советник Парамонова сказал, что раньше все так и делали, но теперь эти финты не проходят, — цепкая полиция затребует адреса Клинтон и Рабиновича, и дело может кончиться неприятностями. Лучше написать правду.

В полицию отправили признательное письмо, украсив его изысканной концовкой типа «примите уверения в совершеннейшем к вам почтении».

Были несказанно рады получить ваше сообщение, отозвался галантный гаишник, просим уведомить, готовы ли вы оплатить штраф в размере 220 евро. Естественно, сердечный привет.

С огромным удовольствием, радостно ответил Парамонов, буду счастлив пополнить бюджет дорожной полиции. Примите и проч.

Как это мило с вашей стороны, аж взвизгнуло письмо офицера. Не сочтите за труд переслать на наш счет — далее шли реквизиты, а вот сразу после них начиналась жесть. Одновременно информируем вас, господин Парамонов, что в случае неуплаты штрафа... Из текста на полстраницы следовало, что на основании таких-то законов, уложений, нормативов, актов и поправок неплательщика ожидают все виды истязаний: судебное преследование, арест счетов и имущества, запрет на въезд в страны Европейского союза и розыск через Интерпол. Парамонов примерил санкции на себя — внутри

стало холодно.

Штрафные деньги ушли уже через пятнадцать минут, а на другой день с утра нервный мой приятель усадил советника выяснять, достигли ли они адресата. «Дошли, – сказал тот, дозвонившись в полицию. – А еще вам просили сказать, что, если будете подвергать риску мирных швейцарских граждан, они вам голову оторвут».

– И сердечный привет, наверное, не передали, – догадался беспечный ездок.

Недодали

Не знаю, зафиксировали ли обществоведы новый социальный тип личности, но мне он представляется вполне отчетливо: молодой человек, от двадцати до тридцати лет, неплохо воспитан и образован, особая примета – в глазах ясно читается слово: «недодали».

Речь идет не о сироте или инвалиде, которых действительно обделила судьба. Наши герои выросли в достатке, окруженные родительской заботой. Их, если приглядеться, вокруг немало, и у моих друзей есть такие дети. Приведу вам краткую исповедь старинного товарища, пытающегося проникнуть в мозг своего двадцатипятилетнего сына.

– Если правда то, что ребенок поддается воспитанию лишь до пяти лет, то весь воспитательный процесс я профукал. Пока мой сын подрастал, я вкалывал на износ; уходил,

когда он еще спал, возвращался, когда уже спал. Зато к его поступлению в школу у нас уже была своя квартира, вскоре и машина с дачей появились, так что по тем временам жили недурно. Да и по нынешним неплохо живем. Но неплохо – это, оказывается, нехорошо.

Чего же парню не хватает? Закончил спецшколу с двумя языками; правда, определить его в институт международных отношений мне было не по силам, выбрали вуз менее престижный, но достойный. К двадцатилетию купили небольшую двухкомнатную квартирку, метро «Речной вокзал». Подарили машину, новый «Пежо». После института устроили на работу, зарплата восемьдесят тысяч, для начала неплохо. Да, я не олигарх, нет у меня своего бизнеса, чтобы наследника на него посадить, но ведь начинал вообще с нуля. Как-то пытался сыну это объяснить, он говорит: «Папа, я все понимаю», а по глазам вижу – наплевать ему. Недодали. Потому что у ровесников квартиры на Бульварном кольце, и «мерсы», и в клубе «Сохо» висают каждый день.

Отматываю назад свою жизнь и думаю: где ошибка? Хотел дать сыну все необходимое, чтобы не терял, подобно мне и многим другим, полжизни на обустройство, а развивался как личность, как профессионал, создавал себе успешную судьбу. Наверное, надо было действовать иначе: пусть бы в институт сам поступал, и жил бы в общежитии, и ездил бы на метро. И от армии не надо было его отмазывать. Хотя, если бы с ним там что-нибудь случилось, – век бы себя казнил.

А сейчас что-то менять поздно, уже ведь взрослый мужик. Ну, хорошо, мало тебе, – преумножай, кто против? Так ведь нет, на все есть отговорки: в кризис карьеру не сделаешь, москвичи никому не нужны, берут понаехавших, которые за копейки готовы впахивать, для бизнеса стартового капитала нет. В общем, недодали.

...Такая вот повесть моего товарища. Не собираюсь выводить из нее мораль, соизмерять родительскую обиду на неблагодарность заевшихся отпрысков с обидой детей, у которых перед носом маячат сверстники, явившиеся на свет с золотой ложкой во рту. Пожалуй, лучшее, что могут сделать родители, – понять, что их дети просто иные, с ними никогда не будет понимания, но надо как-то с этим жить.

Добрый доктор, но спешит

Людей торопящихся я понимаю и не осуждаю, сам такой. Людям неспешным завидую. Теми же, кто умеет сочетать эти качества, восхищаюсь. Так восхищался я в детстве своим участковым врачом, даже фамилию помню – Сергеев. Много раз наблюдал, как он несется на вызов, размахивая старым чемоданчиком, но перед входной дверью в момент становится самым спокойствием. Он все делал медленно: раздевался в прихожей, мыл руки, осматривал и расспрашивал больного, писал рецепты. Он вносил покой в дом и в душу пациента. Но когда, попрощавшись, слышал за собой щелчок дверного

замка, с места в карьер устремлялся по следующему адресу.

Последний раз я вспомнил Сергеева недавно. Жизнь привела меня в солидный медицинский центр. Доктор беседовал со мной вроде бы обстоятельно, но все же чувствовалось, что он куда-то спешит. Раздался телефонный звонок, и он тут же ушел, попросив подождать. На его столе осталась открытая история болезни, и мой блуждающий взгляд непроизвольно просканировал хорошо знакомую фамилию. Это была медицинская карта очень известного в Москве человека, и в ней было отчетливо написано (грешен, прочитал), что у него обнаружен рак и что он дал согласие на операцию. Тут вернулся доктор, сел за стол, так и не закрыв историю болезни. Он даже не понял, что выдал врачебную тайну. Впрочем, он ведь торопился.

А вскоре после этого старинный товарищ, который лежал в авторитетной клинике на дежурном обследовании, рассказал милую историю. К нему пришел профессор-уролог и бегло изложил, что показатель анализа крови на ПСА повышен, поэтому рекомендована биопсия. Мой приятель, будучи пациентом образованным, сразу ухватил суть: обнаружена вероятность рака предстательной железы и для более точного диагноза врач предлагает «отщипнуть» и исследовать кусочки ткани простаты. А это весьма неприятная, болезненная процедура, которая еще не известно что покажет. Успокоив поникшего пациента сообщением, что рак предстательной железы сегодня очень распространен, профессор откла-

нялся. У него было еще много дел.

На следующее утро мой товарищ, включив все связи, сидел в кабинете светила отечественной урологии. Светило спросил, не приходилось ли визитеру за день-два до сдачи крови принимать спиртное или вступать в половой контакт. Выяснилось, что да: накануне заезда в клинику приятель с женой погуляли на чьем-то юбилее, а придя домой, нежно простились перед недельным воздержанием. Вот и ответ, пояснил доктор, данное обстоятельство радикально поднимает показатель ПСА. А вы, батенька, этого не знали? Ну, в другой раз будете знать.

Мой товарищ был счастлив, но одна мысль не отступала: почему этот чертов профессор, отправляющий пациента на биопсию, первым делом не задал ему простейшие, истинно мужские вопросы: пил ли и имел ли? А, ну да, он же куда-то наверняка спешил.

Повторюсь: понимаю и не осуждаю торопыг, время такое. С одной поправкой: мне очень не нравится, когда спешат врачи. Мне даже кажется, что тем самым они и меня куда-то торопят.

И я даже знаю, куда именно.

Кормильцы

«Они стояли молча в ряд, их было восемь», — как в песне. Только стояли не с угрожающим, а наоборот, со смирен-

но-виноватым видом.

Они – это официанты.

История такова: приехал небедный друг, живущий за границей. «Давай поужинаем, – логично предложил он. – Только выбери самый улетный ресторан. Жена достала: хочет надеть платье в пол и новые караты».

Мне денег друга не жалко. Предложил ему крутое место, где безумно дорогой дизайн хозяева отбивали безумными же ценами.

Сели вчетвером, – в пару мне привели подругу жены. Ресторан был почти пустым, и нас обступили восемь официантов. По паре на клиента.

Нам хватило.

Шампанское подали теплым, красное вино – как из морозилки, чуть-чуть теплее был суп, лобстер оказался сухим и жестким, мраморная говядина – подгоревшей. Салаты принесли вообще не те, мило извинившись: «Эти тоже очень вкусные». Тарелки без спросу убирали, когда они пустели лишь наполовину, не забывая спросить: «Вам понравилось?»

К тому моменту, как мы насчитали в их действиях одиннадцать грубейших ошибок, самый расторопный довел дело до дюжины, любезно уронив сорбет на платье жены друга.

И благородный муж не стерпел. Бригада коммунистического труда была выстроена в ряд, и он произнес вдохновенную речь.

О пожилых парижских гарсонах, которые безошибочно

обслуживают по тридцать столиков, причем все заказы запоминают, записывать считают позорным.

О мексиканцах и китайцах в закусочных Нью-Йорка, которые быстрее молнии собирают и раздают фантастические бутерброды.

О графоподобных официантах венских кафе, на бегу подерживающих веселую беседу с десятком гостей...

Друг повидал мир, он говорил долго и ярко. А в конце ехидно спросил: «Вероятно, господа желают получить чаевые?»

Господа желали. У них была маленькая зарплата.

На черной трассе все спокойно

Они не виделись несколько лет и условились непременно встретиться вместе Новый год, как в прежние времена. Место было выбрано со вкусом – французские Альпы. Наталья с Игорем прибыли из своего буржуазного Берна на неделю раньше, чем Ольга с Андреем, и уже успели обкатать так называемые красные трассы для грамотных лыжников. Семейные пары крепко дружили в Москве и, когда одна из них перебралась в Швейцарию (Игорь неплохо подзаработал на углеводородах), постоянно ждали и искали встречи, пока, наконец, вчетвером не повалились весело в сугроб у входа в старинный альпийский отель.

После рассылки поздравительных новогодних эсэмэсок

телефоны были отключены, и друзья погрузились в сказочный мир болтовни, из которого не могли выйти ни в новогоднюю ночь, ни в следующий день-отходняк, а когда, наконец, решили встать на лыжи, из Москвы позвонили Наталье и сказали, что ее мама умерла.

Собственно, печальный исход ожидали давно, хотя случился он не вовремя, каникулы накрылись, ну так ведь редкая смерть бывает к месту. Наталья с Игорем ушли горевать в номер, а Андрей с Ольгой решили лететь вместе с ними в Москву.

Утром они спустились к завтраку и застали супругов в лыжных костюмах. «Идем покататься, – объяснил Игорь, – пусть Наташка развеется». Когда встретились вечером, Наталья была свежа и румяна. На вопрос, когда летим, сказала, что сейчас все решается.

На следующее утро Андрей с Ольгой друзей за завтраком не увидели, их телефоны были отключены. Улетели потихому, не ломая отпуск друзьям? Однако после обеда Наталья и Игорь вернулись с катанья. «Все в порядке, – сказала Наталья. – Игорь звонил в Москву, договорился, что маму пока подержат в специальной холодильной камере». Андрей с Ольгой впали в ступор.

За следующим завтраком они спросили напрямик: так вы летите на похороны или нет? Ответ Натальи был простым и логичным: конечно, летим, как же иначе, только чуть позже, потому что долго готовились к этим каникулам, Игорь

решил непременно освоить сложную черную трассу, а маме ведь уже все равно, да она бы и не осудила, к тому же горнолыжному инструктору заплачено за неделю вперед.

Глядя вслед удалявшимся на подъемнике друзьям (или как их там?), Андрей сказал: «Лавину не обещали?» «Остынь, погуляем», – сказала Ольга. Они набрали на крохотное местное кладбище. Посмотрели даты жизни на надгробиях – впечатлило, люди жили долго.

«Интересно, они тоже в холодильнике ждали, пока дети накатаются?» – сказала Ольга, а Андрей не к месту вернул цитату из «Семнадцати мгновений весны»: «Швейцария. Берн. Воздух свободы сыграл злую шутку с профессором Плейшнером».

Они вернулись, собрали сумки и переехали в другой отель, благо кругом их полно. Встречи с бывшими друзьями не опасались, – те летают по черным трассам, а москвичи ползают по синим, рядом со сноровистыми и нарядными детишками.

Трудности перевода

Президент пожал нам руки и пригласил за старинный круглый стол. Его приветственное слово было пространным, и мы, к стыду и сожалению не знающие немецкого языка, догадались, что он говорит об отношениях двух наших стран. Когда президент закончил, мы повернулись к переводчице Елене. Она обвела нас долгим взглядом и сказала: «В общем, он рад вас видеть». Внутри похолодело. Так началось это,

без сомнения, уникальное в своем роде интервью, которому предшествовали следующие обстоятельства.

Несколько российских журналистов, в их числе и я, отправились за свои кровные в тур по Австрии. Поездка предполагала знакомство с двумя землями (по-нашему, областями), экскурсию по Вене и в завершение то, что составляло главную приманку программы, – интервью с федеральным президентом Австрийской республики Хайнцем Фишером, одним из самых долголетних европейских политиков, мастером компромисса, за что его даже окрестили «дядей Соломоном». Личная скромность господина Фишера редкостна для персоны такого ранга, – нам рассказали, что они с супругой отказались от покоев за казенный счет и назначили свою городскую квартиру апартаментами президента. Короче, встреча обещала быть увлекательной.

Обеспечить наш тур взялась местная фирма, которая при ближайшем рассмотрении оказалась супружеской парой. Пауль был небедным австрийцем, путешествующим по свету. Ознакомление с Россией подарило ему жену Елену. Правда, мы заметили, что Пауль не говорит по-русски, а супруга едва знает немецкий, но эта деталь их семейного уклада нас не волновала, – ровно до того момента, как Елена оказалась в роли переводчика в президентской резиденции Хофбург.

Мы попросили рассказать о миграционных процессах в Австрии, Елена с грехом пополам сформулировала вопрос,

и президент обстоятельно осветил тему. «Он сказал, что сюда приезжает много людей из других стран», – перевела Елена, и у нас возникло желание приложить ее габсбургским стулом. Удивленный краткостью перевода, президент вопросительно взглянул на своего помощника, а мы вообразили себе интервью Путина китайским журналистам с аналогичным переводчиком и вытекающие последствия для протокольной службы.

Наша беседа длилась около часа, мы обсудили с Хайнцем Фишером экономические связи Австрии с Россией (перевод: «Время трудное, но перспективы неплохие»), поговорили о полномочиях первого лица государства («У нас президент не так уж много решает»), наконец, спросили господина Фишера о его увлечении альпинизмом, а когда последовал перевод («В Австрии есть горы Альпы»), наш фотокорреспондент с грохотом уронил свой «Canon» на пол, и тут случилось удивительное: глава Австрийской республики мгновенно нагнулся, поднял фотоаппарат и красивым жестом передал его владельцу. Вообще президент нам очень понравился, и было втройне обидно, что он наверняка посчитал нас полными идиотами.

Мы пренебрегли мнением мудрых о том, что месть – это блюдо, которое нужно подавать холодным, и сразу после интервью переводчица была поставлена к стенке президентского дворца. Уподобившись мушкетерам Дюма, мы поочередно высказали мнения о деятельности миледи, завершая каж-

дый пассаж вердиктом: «Виновна!» Муки Елены усиливались тем, что она должна была синхронно переводить наши тексты собственному мужу, причем финты типа: «Они говорят, что им не дали пива с сосисками» были раскрыты и задавлены на корню. Мы требовали абсолютно точного перевода, совершенно забыв, что казнимая просто не в состоянии его обеспечить. К тому же в немецком языке могло не найтись адекватных слов и выражений.

И тут Пауля, который долго прикидывался шлангом, прорвало. Он начал махать руками и орать на жену, и нам открылась первопричина происшествия. Организаторы тура тупо сэкономили на переводчике! Когда Елена увидела, что мы прознали истину, она слезно умоляла ничего не говорить в Москве. Потому что следом за нами приезжает другая русская группа для встречи со спикером австрийского парламента.

Бали вдали?

Информацию о происходящих в разных концах света катастрофах все чаще завершает резюме о том, есть ли среди жертв россияне. И я, случается, ловлю себя на гаденькой в сущности мысли, что наши, слава богу, целы, а о других пусть пекутся их соплеменники. Если же в числе пострадавших оказываются граждане РФ, жалею их сильнее, чем граждан иностранных государств. Как будто расклады-

ваю разбившийся самолет на важные лично для меня и все остальные обломки.

Понимаю, что такие мысли не делают мне чести. Особенно после одной истории.

Сын со своей девушкой улетел отдыхать на Бали. Долго мечтал, копил деньги. Прошла неделя. В вечерних новостях проскочило сообщение, что на острове произошла серия взрывов. По имеющимся данным, пострадавших среди россиян нет. Внутри дрогнуло – ведь существуют и «не имеющиеся»!

Начал себя успокаивать: мало ли что эти балийцы меж собой выясняют, мой-то парень при чем? И вообще, это ж Баунти, райское наслаждение, отдыхающие кайфуют на пляжах, кто их тронет.

Телефоны сына и девушки не отвечали двое суток. На третий сын позвонил и сказал, что все нормально, теракты случились вдали от курортной зоны. Успокоил.

А вернувшись, ошпарил: «То, что ты меня сейчас видишь, – это чудо».

Оказалось вот что: они с подругой поехали погулять в городок Кута. Лавочки, забегаловки, туристы. Решили перекусить. Сын предложил одну кафешку, девушка захотела в другую – чуть поближе. Ленъ ей было по жаре лишних пятьдесят шагов ступить, – и умница! Потому что, едва они присели, грохнул сильнейший взрыв, и соседнее заведение разнесло в клочья.

Десятки людей погибли. Мой сын уцелел.

И теперь, когда в зарубежных катаклизмах гибнут люди, а я испытываю избирательное сострадание, очень себя не уважаю.

Не звони мне, не звони

Они стали друзьями, когда обоим было по десять лет. Жили в соседних подъездах, учились в одном классе, играли, а порой и ночевали в квартирах друг друга. Потом закончили школу, поступили в вузы, Стас пошел в институт нефти и газа, Левон – в строительный, оба рано женились, и каждый побывал в роли свидетеля жениха.

Потом жизнь развела: Левон рванул по крупным стройкам, Стас пробивался в Москве. Переписывались и перезванивались не слишком часто, но это ничего не значило. Стас, во всяком случае, всегда был уверен, что в его жизни есть настоящий друг, и это навсегда.

Он быстро преуспел, обзавелся набором: «должность – квартира – дача – машина». Левон ничего не приобрел и однажды, оказавшись в Москве и отужинав у друга, сказал: «Хочу свалить».

Тогда, в конце восьмидесятых, это было непросто. Стас вызвался помочь, включил связи, и через полгода Левону с семьей пришло приглашение из Америки, от коммуны баптистов. По этой схеме можно было уехать.

Но в посольстве США Левон не понравился; тогда Стас нашел людей, натаскавших нью-баптистов перед новым интервью, и повторный заход удался. Но на вылете в Шереметьево таможня к чему-то придралась, Левон заскандалил, самолет тем временем улетел... Наконец, спустя полгода, у стойки регистрации друзья схватили друг друга в объятия, жены заревели в четыре ручья... Тогда прощались навеки.

Но поменялись времена, и оказалось, что вполне можно увидеться вновь. При желании. Вот только с желанием возникла неувязка. Как-то от знакомых Станислав Егорович узнал, что Левон Саркисович наведывается в столицу. Московский друг набрал номер и напрямую спросил: правда? Извини, старик, без всякого смущения ответил друг американский, да, залетал, но столько дел было, веришь ли, позвонить некогда.

Станислав Егорович молча дал отбой, крикнул: «Предатель!» и принялся истреблять в себе святую дружбу. Пытался понять мотивы – зависть к успеху друга, спесь новоявленного американца? Да какая разница, этому в любом случае нет прощения. Убедил-таки себя. Он, может, и дрогнул бы, позвони Левон с покаянием, но тот не позвонил.

Однажды Станислав Егорович оказался по делам в Бостоне. На обеде у владельца партнерской фирмы вдруг шелкнуло: стоп, Бостон – это же штат Массачусетс, в нем находится городок Спрингфилд, где обитает, судя по оставшемуся в памяти почтовому адресу, Левон Саркисович с семейством.

Включили Интернет, и Станислава Егоровича зазнобило. Вот Спрингфилд, меньше часа езды, вот адрес друга детства, вот его телефон, а вот он и сам на трубке: «Hello!»

И взрослый мальчик Стасик мигом вспомнил все: их двор, футбол, родителей и сестер Левона, самого себя на его свадьбе. Может, пора простить? А если тому это не нужно, – тогда новая пощечина? Он услышал в трубке: «Speak, please! Who are you?» – и резко выключил телефон.

Прошло уже несколько лет, а Станислав Егорович все думает, правильно ли поступил. И не знает ответа.

Прости-прощай

Виталия любили все. Генерал во цвете лет, летчик, умница, весельчак. Болезнь века ударила неожиданно, операция длилась восемь часов, несколько килограммов пораженной плоти отделилось от законного владельца. Врачи разрешили его навестить на четвертый день, дверь в палату была приоткрыта, и я увидел вдвое похудевшего Виталия, который пытался отжиматься от кроватной спинки.

А потом на протяжении еще двух лет мы, его товарищи, с восхищением смотрели, как спасал себя этот человек. Перестав доверять медицинским светилам, дававшим разноречивые рекомендации, Виталий начал сам штудировать специальную литературу, подбирая подходящее ему лечение. Задолго до выхода из больницы он вернулся к работе, у его

койки вечно сидели люди с чертежами самолетов. Трижды в неделю шофер отвозил его в Лужники, и он, морщась от боли, наматывал километры вдоль Москвы-реки. А однажды, ухмыльнувшись, сказал мне: «Поздравь, я опять мужчина».

Эта тема была для него важна. Будучи много лет в браке, имея сына, дочь и устойчивый дом, Виталий был не прочь погусарить. Претенденток на его внимание всегда было с запасом, но он никогда не заходил дальше легких романов. Супруга Ирина вывела формулу: если муж вдруг сделался шелковым, значит, «там» все закончено. До следующего раза.

Но следующий, последний, раз оказался иным. Виталий влюбился в молодую женщину по имени Илона и ушел из дома. Он не разводился, давал денег даже больше, чем прежде, пытался сохранить отношения с уже взрослыми детьми, которые, поначалу твердо взяв сторону матери, начали понемногу оттаивать. Но все разом кончилось, когда Илона родила сына. И вот вскоре после этого Виталий угодил на операционный стол.

Через два года он вернулся к полноценной жизни. Но болезнь ожила. Собрав последние силы, Виталий вновь начал борьбу, его резали в лучших клиниках Европы, но все катилось по наклонной. И тогда он начал приводить в порядок земные дела. Будучи человеком системным, все продумал до деталей. Написал завещание, поделил нажитое, делить было что. Он так хотел никого не обойти, не обидеть. Устроил старшего сына на свое руководящее место. Развел-

ся и мирно простился с Ириной. В больничной палате они с Илоной вступили в брак и обвенчались. А через неделю он позвал священника, исповедался и умер. В полной уверенности, что все разрулил и может спокойно покинуть этот мир.

Панихида была многолюдной, с обилием венков, с орденами на бархатной подушке, с прощальным залпом. У гроба стояли Ирина с детьми, Илона с сыном, а чуть поодаль плакали незнакомые нам женщины. Рядом со мной кто-то тихо сказал: «Нет, Виталик, ничего еще не кончилось».

Еще до наступления сороковин Ирина подала иск о признании Виталия недееспособным и, соответственно, аннулировании как развода с новым браком, так и завещания. Но лечащие врачи имели богатый опыт посмертных разборок и выложили историю болезни, из которой следовало, что пациент до самой кончины пребывал в здравом уме. Тогда за дело принялись адвокаты. Ирина и Илона названивали нам, прося дать нужные каждой из них показания. Кто-то давал, кто-то уклонялся. Всем было тошно.

В день его рождения мы собираемся на кладбище. Посреди генеральских мраморных надгробий стоит истлевший деревянный крест, а под ним обернутый в полиэтилен портрет Виталия. Сперва думали, что должна осесть земля, тогда Илона либо Ирина благоустроят могилу. Но прошло уже несколько лет. Хотели сами сложиться и поставить памятник, но наследники дали отказ.

Не простили. И если Виталий видит это сверху, то, наверное, переживает.

Не врут календари

С недавних пор я полюбил читать календарь памятных дат. Это не потому, что душа просит праздника, а ты, проснувшись, не знаешь, что бы такое сегодня отметить. Просто иной раз хочется почувствовать себя не «здесь и сейчас», а в объемном пространстве. Для этого необходимы подсказка, напоминание.

Берем от фонаря календарь сентября, он содержит 134 памятные даты. Есть, например, День основания Республики Сан-Марино, новый год по иудейскому календарю, украинский День разведки, праздник чествования японских стариков, китайский праздник Луны, день рождения норвежской принцессы Мэрты Луизы, всеобщий День парикмахера... Вот так листаешь календарь – и уже не чувствуешь вокруг себя пустоты.

А еще появились новые праздники – Дни чего-то такого. В том же сентябре есть День беседы, День везения, День доброго отношения к ближнему, День исполнения обещаний... От одних названий теплеет на сердце, и какая-то еще не вполне ясная тема стучится из прошлого. И вдруг: День независимости Узбекистана. Все разом сходится в одну точку. В одну историю.

Ей, этой истории, без малого сорок лет, произошла она как раз в Узбекистане (тогда еще столице союзной республики), и автор имел возможность наблюдать ее вблизи. В Ташкентском театре оперетты, как и положено, был оркестр, а первую скрипку звали Николай Николаевич. Выпускник Московской консерватории, прижившись в Средней Азии, столичного лоска не утратил: несмотря на жару, на каждый спектакль надевал фрак, манишку и галстук-бабочку. Одно слово, интеллигент.

Так же интеллигентно он уходил в запой. Дважды в году, поздней весной и ранней осенью, Николай Николаевич являлся к директору, брал отпуск за свой счет и исчезал ровно на десять дней. По слухам, уезжал куда-то в лес, к знакомым егерям, там неистово пил, однако строго в положенный день уже сидел по левую руку от дирижера. В театре, где секретов нет, эти отпуска первой скрипки называли «зов леса». При этом никто и никогда пьяным его не видел.

Однажды в театр прислали нового директора – представителя титульной нации по имени Уйгун Акрамович; до этого он в райкоме партии курировал жилкомхоз. Шел сентябрь, театр уезжал на гастроли в соседний Таджикистан, и тут как раз Николай Николаевич явился с прошением на отпуск. Директор не понял. Первая скрипка, смущаясь, объяснил причину и поклялся не подвести. Главный режиссер с главным дирижером тоже внушали директору, что это дело обычное, лучше отпустить. Однако, в голове Уйгуна Акра-

мовича официальный запой и трудовая дисциплина не сложились в пазл, и музыкант получил категорический отказ, на который тихо ответил: «Заранее прошу у всех извинения». И выехал с трупой на гастроли.

По прихоти природы первый день гастролей совпал с первым днем запоя. И Николай Николаевич урезал такую увертюру, что даже выдавшие виды актеры пришли в ужас. На следующий день уже содрогнулся весь уютный город Душанбе. Первая скрипка гудела, как двадцать военных оркестров, доходя до оглушительного крещендо и фортиссимо. Кульминацией симфонии было ночное вторжение обезумевшего музыканта в директорский номер с сумкой портвейна «Офорин» (в переводе – «молодец»).

После этого Николай Николаевич куда-то сгинул, но ровно на одиннадцатый день так и не предоставленного отпуска он нетвердой походкой спустился в оркестровую яму. На нем был фрак с бабочкой. Руки его подрагивали, но только до той секунды, пока он не взял скрипку и смычок. Зазвучал Имре Кальман, и со страхом взиравший на эту сцену Уйгун Акрамович разрыдался. Волшебная сила искусства.

На другой день он пригласил Николая Николаевича, обнял его и задним числом подписал заявление на отпуск.

...Вот вам и календарные даты – дни везения, исполнения обещаний, доброго отношения к ближнему... Согласитесь, похожие истории, которые может рассказать каждый из нас, будят размышления и даже актуальные аналогии. Эти сюже-

ты возникают «из миража, из ничего, из сумасбродства моего» – как в «Обыкновенном чуде». Или «из слез, из темноты, из бедного невежества бывшего» – как в «Иронии судьбы». Возьмите календарь – и они появятся.

Появятся – и растворятся снова.

Глава 2Предметы второй необходимости

Больше чем полжизни тому назад, когда мое поколение рвануло с низкого старта, мало кто из нас верил в себя. Точнее, так: мы верили в свои силы и способности, но не надеялись, что нам воздастся по заслугам. Ты можешь вкалывать день и ночь и при этом никогда в жизни – ну просто никогда! – не сумеешь скопить денег на однокомнатный кооператив и жигулевскую «копейку». И тебя не выпустят в туристическую поездку даже в какую-нибудь Румынию, потому что старые большевики из партийной комиссии при райкоме не простят тебе развод. Пьянящий вкус юности смешивался со свинцовой слюной унижения, в глубине души мы были мизантропами и нигилистами.

Надо признать, что никто из нас никогда не оставался без прожиточного минимума по имени зарплата, не голодал и не ночевал на вокзале, не занасивал до дыр штиблеты и при высокой температуре мог вызвать участкового терапевта. Предметы первой необходимости у нас были, но душа просила второй, второй необходимости!

Что же отделяло нас от станции «жить можно» до станции «жить хорошо»?

Перво-наперво отсутствие собственной квартиры. Не проходной комнаты в родительской или тещиной двушке, а личного жилого помещения, где можно делать что душе угодно.

А если к квартире добавить дачу, пусть на шести сотках

и хоть в ста километрах от Москвы, тогда уже образуются признаки буржуазной роскоши. Хотя зачем тебе дача, если ты не огородник, никто не понимал.

Конечно, до дачи удобнее всего доехать на автомобиле. Нужно покупать лотерейные билеты, других возможностей приобрести тачку у тебя нет и не надейся.

Очень важны и моральные факторы. Вот если дослужиться до номенклатурной должности, можно будет совать всем под нос «корочку» с магической надписью. И люди будут проявлять уважение, как к работнику ОБХСС.

При этом ты с семьей сможешь лечиться в особой поликлинике, где не надо будет высиживать очереди. А если вдруг тебя направят в командировку в братскую социалистическую страну, ты вернешься одетым с ног до головы во все заграничное.

Мы отчетливо сознавали, что мечтаем о недостижимом. Но вышло иначе. Капля камень точила, молодая прыть и честолюбивое рвение мало-помалу начали приносить результаты. Это сейчас кажется, что мы были крайне скромны в желаниях, принимали подачки за подарки, милостыню за милость. Тогда же гордыня наполняла наши души, и вожаемые знаки отличия поднимали нас к небесам.

Мучительница первая моя

Понимаю, насколько это не ново – сравнивать первый

автомобиль с первой любовью, но все же тянет. Ведь эти оба-два – и одушевленное существо, и металлическая конструкция – складывают характер, формируют взгляд на мир. Так что очень важно встретить на пути того, кого надо. В смысле, правильный автомобиль.

Тут у каждого своя стезя. Кому-то папа отдал старую «Волгу» (смотри не разбей, убью), кому-то «папик» преподнес ключи от «Порше Кайен» (разобьешь – и фиг с ним). А один недотепа, ни разу не сидевший за рулем вплоть до начала кризиса среднего возраста, бросил вызов судьбе и приобрел микролитражный легковой автомобиль первой группы особо малого класса СеАз-1111. Авто называлось «Ока», а в качестве недотепы автор вывел самого себя.

За прошедшие с тех пор четверть века я сменил с десяток машин, но если вы спросите, с какой из них предпочел бы начать водительскую карьеру, отвечу без колебаний: с «Оки», и только с нее. Она одна в состоянии дать такое понимание диалектики, какое не почерпнешь и в трудах основоположников.

Включается память, и вот я еду по Москве начала 90-х. Еду на собственной машине – следовательно, я уже не лузер. Но эта машина – «Ока», значит, я и не орел. И может, мне солиднее передвигаться на метро, чем на тарантайке, имеющей к тому же инвалидные модификации. Но я не хочу в метро, я ведь купил машину. При этом сам давно не мальчик и требую к себе уважения. Но на парковке возле работы коллега

говорит:

«Так вот, оказывается, куда ты почту складываешь». Оскорбляя коня, он оскорбляет хозяина. Грубить в ответ глупо, но и проглотить невозможно. И я легко, играючи, как Андрей Миронов в финале «Женитьбы Фигаро», произношу разученный монолог.

Ничего-то вы, пижоны, не понимаете. Мой почтовый ящик – натуральное чудо. Могу бросить на улице, не запирая, – никто не угонит. Даже сигнализация не нужна. Расход бензина копеечный, тут же всего два цилиндра. Весит как перышко, человека задавить невозможно. Однажды ночью заехал в кювет и в одиночку машину за бампер вытащил. В пробках не стою – пролезаю между автомобилями, или по разделительной полосе, или по тротуару. Вообще рассекаю, как хочу, а если гаишник остановит, я ему сходу: «Командир, платить нечем. Будь у меня деньги, ездил бы я на такой тачке?» Смеется и отпускает. Ни разу еще штраф не платил.

Так и только так блокируют насмешки. Им несть числа, но я всегда наготове. Пусть на дороге меня не уважают, но для повышения самооценки я сам провоцирую конфликты. Допустим, подрезаю пижонскую девятку цвета «мокрый асфальт», она в ответ прижимает меня к бордюру, разгневанный драйвер выходит повоспитывать козла из консервной банки, а тут сюрприз: из «Оки» является не хилый студентик или дряхлый дедушка, а здоровый дядька с актуальным аксессуаром вроде электрошокера, только что поступивше-

го в открытую продажу (надо только не забыть снять очки и сделать морду ящиком). Вкупе с ненормативным вступительным словом это обычно производило неслабое впечатление.

Противиться унижению я научился даже на трассе. Переключая комплекс неполноценности на манию величия, занимаю левый ряд и не уступаю «меринам» и «бумерам», путь гудят, мигают дальним светом и садятся на хвост. Мое дело – цепenea от ужаса, жать 140 кмэ, а кто недоволен – пусть обгоняет справа.

Никто не должен видеть моих слез, когда все поголовно автосервисы Москвы отказываются чинить «Оку»; они не могут даже грамотно выставить сход-развал, отчего я в хлам, до проволоки корда, стираю новую резину, не поверите, всего за одну поездку на природу. Покрышек не напасешься, да и вообще с запчастями мука. Механизм автомобиля премудро собран из элементов «Нивы», 8-й модели «Жигулей», а также оригинальных деталей «Оки», которых днем с огнем не найти. Когда у меня, было дело, накрылся подшипник на ступице, машина стояла полгода, пока на серпуховском авторынке не встретился крепко поддатый мужик, откопавший бесценную деталь у себя на чердаке.

А однажды произошло чудо: в Коньково открылся салон-магазин персонально для «Оки». Там, помимо запчастей, можно было приобрести дизайнерские украшения: пупырчатый резиновый чехол для руля, набалдашник в виде

львиной морды, венчающий рычаг коробки передач, подголовники и велюровые чехлы на сиденья, пластиковые колпаки для колес, косящие под литые диски, какие-то панорамные зеркала, коврики для багажника, брызговики, подкрылки и прочую дребедень, которая была мной немедленно куплена и прикручена по назначению. После чего сын, чуть не плача, сказал: «Папа, прекрати из «Оки» делать «Мерседес»!»

Последний пробег на «Оке» я отлично помню, это было 9 октября 1999 года. Мы с сыном съездили в Лужники на отборочный матч чемпионата Европы между Россией и Украиной, наши осрамились, автомобиль с горя фыркал и глох всю обратную дорогу и окончательно вырубился прямо перед ракушкой. Мы затолкали его внутрь, а когда через год открыли и я сунул ногу в кабину, проржавевшее днище под ногой провалилось. И тогда я сказал: все, хватит.

Машина был продана за бешеные деньги – 100 долларов США. Ее увезли в какую-то деревню, заварили дно, и, говорят, она до сих пор рассекает по дорогам Подмосковья. Чему я очень рад, поскольку до сих пор нежно люблю свое первое транспортное средство, называю его ласковым именем «Акулина» и всячески благодарю за то, что оно продемонстрировало мне последний круг эксплуатационного ада, после чего пугать автовладельца просто нечем.

Часы на все время

В реестре знаков доблести наиболее доступными были наручные часы. На жаргоне – котлы. Не советские, вестимо, не «Слава» – «Луч» – «Полет», а заграничные. То есть японские, – других попросту не водилось, о швейцарских мы только слышали. Такие часы можно было купить в комке – в комиссионном магазине, куда их сдавали дипломаты и разные прочие торгпреды.

Скопив за полгода 170 рублей, я отправился за часами, взяв с собой приятеля, который уверял, что в этом деле понимает. Комок размещался в конце Ленинского проспекта. Был февраль, жуткий мороз, даже в магазине изо рта шел пар, сквозь который поблескивали на прилавке две «Сейки» и два «Ориента».

Самая дорогая «Сейка» за 200 рублей была очень хороша, но я не дотягивал целых 30 единиц; ее сестрица за 160 была попроще, зато укладывалась в бюджет и даже оставалась десятка, чтобы отметить знатную покупку. Еще за 160 и за 140 рублей шли «Ориенты»; первые были неплохи, а вот вторые совсем не глянулись – форма овальная, не мужская, циферблат блеклого серо-зеленого цвета и царапина на боку. Не то.

«Вопрос надо обдумать, предварительно согревшись», – сказал приятель и завел меня в соседнее заведение общепита, где за полчаса мы просвистели 13 рублей, и часы за 160 стали недоступны. «Бери «Ориент» за 140, мировые котлы, – надавил приятель. – И еще восемь рублей останется».

Я надел часы и окинул запястье помутившимся взором. Овал – а что, даже оригинально. Серо-зеленый циферблат – под коричневый костюм будет неплохо. А царапина почти не заметна. Да и что раздумывать-то, когда выбор прост – или берешь эти часы, или уходишь пустой. В последнем случае высока вероятность, что приятель по дороге разведет еще рублей на тридцать, – тогда начинай копить сначала. И я сказал: «Выписывайте».

На следующий день часам был устроен тест на чьем-то шумном и многолюдном дне рождения. Я демонстративно жестикулировал левой рукой, а во время танцев (был в прежние времена такой обязательный атрибут домашнего праздника) снял пиджак и подвернул манжеты, выставив на обозрение обновку. Но гады-гости даже глазом не повели и словом не обмолвились. Мои японские ходики просто не заметили. Или не заценили. Какая боль, какая боль.

Я носил эти часы еще восемь лет, совершенно их не любя. Каждое утро, застегивая браслет, злился на форму, цвет и царапину и вспоминал те бездарно потраченные 13 рублей, они были мне костью в горле, бельмом в глазу, гвоздем в пятой точке. Сменить часы на вполне симпатичную «Славу» не позволяла гордыня, копить же на новые япошки было глупо, – а «Ориент»-то куда денешь? Тогда не было такого, чтобы переодевать котлы, подбирая кожаный ремешок под обувь или совмещать цвет корпуса с металлической оправой очков и замком портфеля. То т, кто желал считать-

ся преуспевающим денди, вполне обходился одними-единственными часами. Это были часы на все время. Но японские. Но одни.

Злосчастный «Ориент» по сей день валяется в коробке со старым хламом, время от времени попадаясь мне на глаза и напоминая о давней ошибке, стоившей столько крови. Выкинуть бы его к чертям, но до сих пор в голове не укладывается: как это так – выкинуть японские часы?

Квартира дороже денег

Среди дорогих сердцу воспоминаний многие хранят историю получения первой квартиры. Такого, знаете ли, судьбоносного жилища, которое подняло вас в чужих и своих глазах, открыло чудесные перспективы (к примеру, отделиться от родителей или родить второго ребенка). В Стране Советов именно жилплощадь была мерилom судьбы, и значила она больше, чем деньги, карьера и здоровье.

При этом жилье не имело денежного эквивалента, никаких вам рынка и цены квадратного метра. Квартиру получали бесплатно (жилищные кооперативы не в счет, они для избранных), и возникал парадокс: можно было иметь деньги, но не иметь хаты, а можно и наоборот. Существовал, впрочем, особый вариант: ни денег, ни квартиры.

Но мы возьмем случай усредненный и автору наиболее близкий. Итак, ваша семья (вы, жена, сын-подросток и те-

ща) живет в хрущевской двушке. Коридор с ноготок, крохотная кухня, совмещенный санузел, смежные комнаты и качающийся балкончик. Теща любит повторять, что другие хуже живут. Но вы-то знаете, что есть и иные другие и что вам надо туда, к ним.

Шансов, однако, мало. Чтобы государство признало вас нуждающимся в улучшении жилищных условий, нужно иметь не более 7 квадратных метров на нос. А ваша площадь составляет 29 метров, соответственно, на каждого приходится 7,25 «квадрата». И вот эти 0,25, проклятые микро-скопические излишки, навсегда выпихивают вас из очереди на квартиру. На государство надежды больше нет, рассчитывайте только на себя.

Как на грех, и на службе у вас нет жилого фонда для сотрудников, и вы устремляетесь на поиски работы, где вам дадут хотя бы смутное обещание. А найдя перспективный вариант, вкалываете на износ, доказывая начальству, что вас терять нельзя. Идут годы, вы все доказали и пишете наконец прошение о выделении трехкомнатной квартиры. Но случайно краем уха слышите, что люди с болезнями, входящими в некий список, имеют законное право на отдельную комнату.

И вы тащите тещу в районную поликлинику, хватаете ее историю болезни и обнаруживаете, что в букете болячек есть нужный цветок. Справки, подписи, круглые и треугольные печати, – и вот вы уже просите выделить вам четырехкомнат-

ную квартиру. Начальство хмурится, но вы сходу совершаете парочку производственных подвигов и получаете нужное решение.

Близится сдача дома, нужно собрать уйму бумаг, в том числе документ о том, что ваша старая квартира отойдет организации, выделившей новое жилье. И тут – засада. Ваша семья проживает в ведомственном доме, принадлежащем заводу, на котором некогда работал ваш покойный тесть. И теперь завод не хочет отдавать освобождаемое вами жилище, на что имеет полное право. Вы в сотый раз пытаетесь объяснить, что если останетесь в прежней квартире, она по любому заводу не достанется, но тщетно. Гадское промпредприятие, вечно не выполняющее план, всю вашу жизнь пускает под откос.

Тут бы дать взятку председателю профкома, отвечающему за жилищные вопросы, но у вас, беда бедовая, нет нужных денег, а соблазны в виде билетов на Таганку или пяти томника Дюма, вырученного в обмен на сданную макулатуру, не вызывают встречного расположения. И лишь обещание удавиться на заводских воротах, разъяснив в предсмертной записке, кого следует привлечь к ответу, смягчает трусоватое производственное сердце.

Наступает момент истины: вы со смотровым ордером входите в пустые четырехкомнатные апартаменты – вымученные, выстраданные, завоеванные. Усаживаетесь на немытом подоконнике и откупориваете советское шампанское. Имее-

те право, вы победитель. Пока государство со скрипом выполняет обещание предоставить каждой семье отдельную квартиру, вы успешно выполнили личную жилищную программу. Жажда собственных квадратных метров сделала вас другим человеком – превосходным работником, неутомимым организатором собственных побед, с твердой волей и умением терпеть, ждать и действовать через не хочу и не могу.

Гл от ая пузырьки, вы еще не знаете, что триумф будет недолгим, ибо семейные трещины, обозначившиеся в тесной хрущевской двушке, на улучшенной территории не пожелают зарастать, и вскоре вас ожидает развод с разменом квартиры, которую вы даже не успели обставить.

Охота к перемене мест

Итак, вы прошли развод, надо разъезжаться. Изрядная квадратура хаты позволяет учесть интересы сторон, пусть даже и урезанные. Все лучше, чем идти на улицу. Бывшая жена, правда, высказывается в том смысле, что если вы порядочный человек, то должны все оставить и удалиться, забрав лишь нательные вещи. Теща и сын-подросток согласно молчат. Однако, вы полагаете, что идущая под размен квартира – плод исключительно ваших заслуг, и по справедливости вам полагается чуть больше, чем ничего.

Сегодня в подобном случае выход ясен: продаешь одну

квартиру и взамен покупаешь две другие. Но, когда жилье было не вашей, а государственной собственностью, действовали иные схемы – обменные. Как можно разменять четырехкомнатную квартиру? На трехкомнатную и однокомнатную? Ишь чего захотели! На трехкомнатную и комнату в коммуналке. Но это не устраивает вас. Тогда на однокомнатную и двухкомнатную. Но на это не соглашается жена.

Разъезд всегда невыгоднее и куда сложнее съезда. Вы не вылезаете с Банного переулка, где расположено знаменитое на всю Москву бюро обмена, просматриваете миллион объявлений, сводите знакомства с кучей сомнительных личностей, но не продвигаетесь ни на шаг. Впрочем, вы готовы к затяжной баталии; многотрудная жилищная эпопея подсказала вам изящную и непреложную формулу: пока не нахлебашься дерьма, результата не жди. Соответственно, если квартиры нет, значит, еще не нахлебался. Терпи, терпи, ты ведь меняешь не место жительства, а само жительство, в смысле, всю свою жизнь.

Спустя полгода становится ясно, что нужен обменный спец. Слова «риэлтор» тогда еще не знают, эти вопросы решает маклер, он же меняла, который составляет многозвенные и многоходовые цепочки обмена. Таковой персонаж найден, начинаются просмотры квартир, но взаимоприемлемого расклада никак не возникает. В основном варианты бракует жена, да и теща твердит, что она, в отличие от лимитчика-зятя, коренная москвичка и желает жить возле

Кремля, вы заводитесь, начинается война нервов с периодической потерей человеческого облика. Так проходит почти год, и вот является спасительная комбинация: жене, сыну и теще – двушка, но зато стометровая, в сталинском доме и в самом центре; мужу – изолированная однокомнатная, но зато у черта на выселках. Стороны дают согласие. Наелись.

Вы погружаете в грузовичок раскладушку, письменный стол со стулом и отбываете на новое поселение. Затаскиваете скарб на четырнадцатый этаж и вновь, как тогда, открываете шампанское. В окно грохочет и пылит шоссе, из кухни является стайка тараканов – взглянуть на нового хозяина. Вы подмигиваете им, глотаете шипучки и отчетливо, чтобы понятно было даже насекомым, произносите: «Тут жить нельзя». И немедленно начинаете строить план переезда. Квартирный зуд стучит в вашем сердце, и вы понимаете, что это уже навсегда.

Садовый товарищ

Вот дом, который построил я. Теперь хочу продать, потому что не нужен. А его никто не покупает – ровно по той же причине. Хотя прошу недорого. Воспоминания стоят дороже.

Строго говоря, это даже не дом, а дачный домик, две комнаты и чердачное помещение, элегантно именуемое мансардой. Вода в колодце, газ в баллонах, удобства на террито-

рии, а территория – шесть соток. В общем, история восходит к началу девяностых годов. Для кого-то – лихих, но только не для меня.

Резервация наша называлась красиво – «садовое товарищество». Но пасторальный образ не складывался: вместо благоухающих яблонь – пыльные грядки, вместо барской усадьбы – гадкого вида строительные вагончики (временки, ставшие «постоянками»), вместо гостей в белых одеждах – облаченные в заношенные майки, треники и семейные трусы товарищи по работе, на которых не насмотрелся за трудовую неделю.

Все это благолепие мне, молодому в ту пору человеку, не нужно было даром. Но, видимо, само это слово – «даром» – зацепило потаенные струны души. Шесть соток на работе выделяли бесплатно, глупо же не взять. А под постройку давали кредит, которого хватило аккурат на то, чтобы заказать в Костромской области брус для панельно-щитового домика (в народе его называли панельно-щелевым).

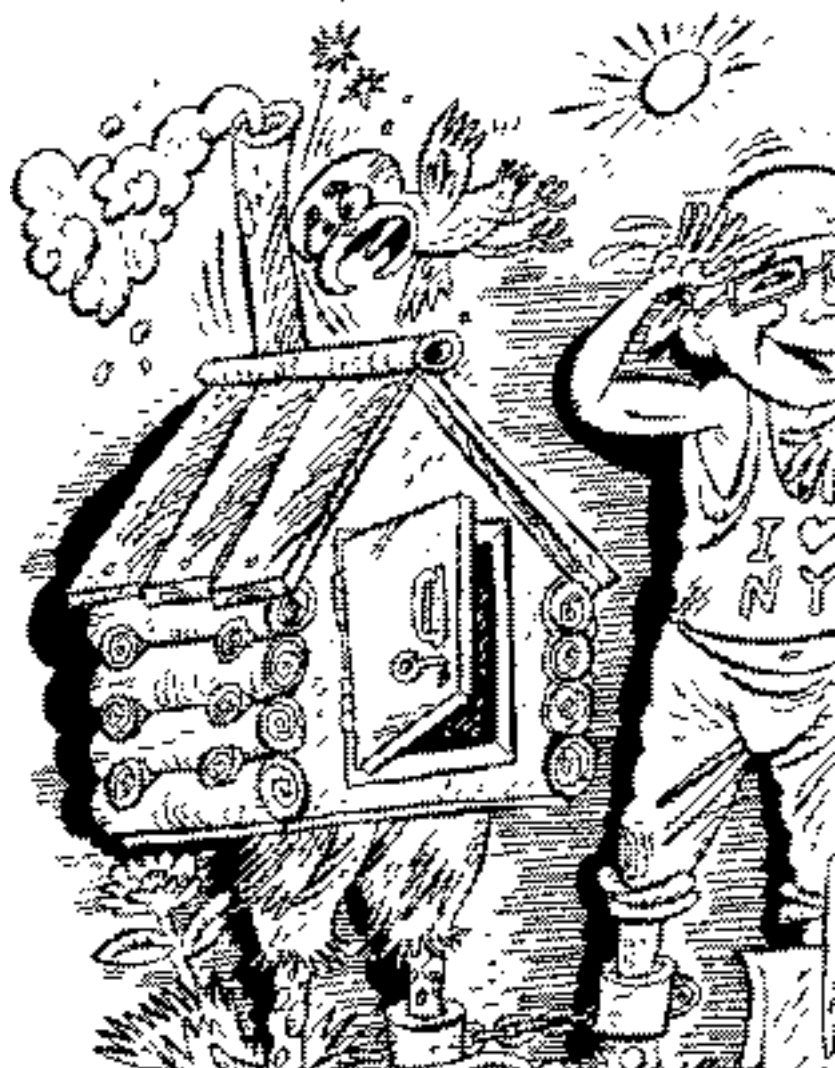
Брус везли на самосвале, доехали к ночи, шел проливной дождь, завалились правым боком в кювет, все высыпалось, мы с шофером, грязные, как черти, часа два таскали доски на участок, чуть не померли. Потом до утра искали кран, чтобы вытащить самосвал... Именно в ту ночь я все понял насчет бесплатного сыра.

Брус провалялся на участке целый год, видеть его было тошно, но каждый месяц приходилось идти в сберкасса, вы-

плачивать по кредиту, и это предстояло делать аж десять лет. Но родное государство не оставило в беде. Случилась не то деноминация, не то девальвация рубля, короче, сильно обесценился наш «деревянный». Накопления на сберкнижках рассыпались в прах. Многократно подняв цены, правительство вынуждено было поднять и зарплаты. А вот номинальное выражение кредитной суммы осталось прежним, и я буквально двумя зарплатами погасил кредит. Ушел в ноль. Кому война, а кому мать родна.

И тут же услышал глас небес: если уж после такого подарка ты, парень, не обустроишь участок, пощады не жди. Испугавшись, я напрягся и в первое же лето поставил дом (забавно, что остекление пяти окон обошлось дороже, чем весь кредит), а в следующий сезон создал на шести сотках объемно-пространственную композицию из крохотной веранды, хозблока с туалетом и душевой лейкой, а также беседки для умиротворения и созерцания.

Вот только созерцать было некогда и нечего. Жизнь проходила то в Москве, то в командировках; тащиться сюда в выходные, чтобы лицезреть, как сослуживцы, обливаясь потом и надрывая поясицы, пропалывают грядки, сколачивают доски и месят раствор, – сердечное мерси! Глубоко чуждый рабского энтузиазма, я наезжал в садовое товарищество дважды в год: открыть сезон и закрыть.

Зато на работе ежедневно выслушивал огородно-строительные новости (у кого какая уродилась редиска, кто где достал рубероид для крыши) и диву давался: сколь же могуч трудовой ресурс моих товарищей! Мало им полной рабочей недели, надо еще помучить себя по выходным. Ладно бы вечерами шашлыки жарили или Визбора пели под гитару, – так нет же, в субботу к закату все без сил засыпали на кривых самодельных топчанах, чтобы на заре помахать тяпкой, а потом, набив пузо дарами природы, прошагать с набитым рюкзаком семь километров до станции и два часа протрястись в переполненной электричке.

Но самое невероятное состояло в том, что все это им чрезвычайно нравилось. Быть может, потому, что впервые в жизни они чувствовали себя частными собственниками, владельцами недвижимого имущества, и это создавало иллюзию новой, доселе неведомой жизни. Окрыляло и звало к созидательному труду.

Не так давно я после долгого перерыва приехал в наш поселок. Бывших коллег здесь почти не осталось; кто-то поднялся, перерос шесть соток и в новых местах построил новый дом, с отоплением и канализацией, другие закончили свой путь, и в их вековых вагончиках живут совсем другие люди. Вот и я свой домик, своего садового товарища, рано или поздно продам, так и не ощутив себя латифундистом. Пусть повезет другому.

Вездеход для избранных

Слаб человек, очень уж любит напомнить о своих былых доблестях. Вот недавно на домашней посиделке один гость вроде бы случайно выронил из кармана удостоверение с аббревиатурой «ЦК КПСС». И пошутил: это древний талисман, ношу от сглаза. Что тут поднялось! Он битый час к восторгу собравшихся рассказывал, как нынешние звезды дожидались аудиенции в его приемной.

А я слушал и вспоминал, куда задевал свое точно такое же удостоверение. В бордовом кожаном переплете с золотым тиснением. Под ламинатом, считавшимся в конце восьмидесятых полиграфическим чудом, помещалось замечательное фото владельца документа, которое делали не где попало, а в специальном ателье. Вероятно, в ту пору фотошоп уже был, — слишком уж верноподданная вышла у меня физиономия.

Досталась мне эта корочка явно не по заслугам. Ни в каком партийном аппарате сроду не числился, просто газета, где тогда работал, выходила под эгидой ЦК КПСС, и все члены редколлегии имели такие удостоверения. Они назывались вездеходами, поскольку открывали двери в самые недоступные учреждения. Включая предприятие бытового обслуживания Управления делами ЦК КПСС, где можно было, к примеру, раз в два года приобрести дефицитную ондатровую шапку.

Но главная ценность удостоверения состояла в том, что оно в разы поднимало самооценку его обладателя, зачисляло счастливчика в разряд небожителей, возносило над простолюдинами. Мед власти втекал в жилы даже газетчиков, хотя мы старались казаться циниками-неформалами и неосторожно пренебрегали партийным этикетом.

Например, по удостоверению ЦК КПСС ходили в рестораны, которых в Москве было очень мало, и вечерами они были забиты. Особо ценились рестораны Дома кино, Дома литераторов, Дома актера – попадание туда считалось шиком. Мы с коллегами повадились посещать актеров (у них была вкуснейшая говядина), и время от времени после трудового дня отправлялись на улицу Горького, 16. Я совал под нос швейцару корочку с магической аббревиатурой, и в переполненном зале тут же находился резервный столик, за которым мы могли беседовать о руководящей роли партии. Ну, или обсуждать отдыхающих по соседству дам.

Но однажды случился облом. Мы пришли, на двери, как водится, висела табличка: «Мест нет», я махнул знакомому швейцару – дескать, не томи. Тот не впускал. Я «сделал лицо», достал бордовую книжицу, и тут швейцар, приняв театральную позу, громко и отчетливо меня послал. Туда. И скрылся за дверью.

Но удивительное дело: я не полез скандалить, поскольку не принял оскорбления на свой счет. Швейцар ведь послал не меня, он в моем лице послал ее. Партию. Ум, честь и со-

весть нашей эпохи. Плохи твои дела, товарищ КПСС, мелькнуло в голове.

Это был декабрь 1989 года. До пожара, уничтожившего все имущество Дома актера, включая ресторан, оставалось два месяца. До августа 1991-го – еще полтора года с хвостиком. Никто не мог даже помыслить о кончине СССР и КПСС, а вот швейцар, контра, как-то учуял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.